

Алена Яворская

«Но был отравлен мой бокал холодным ядом размышлений...»

Порой поэты одесской школы двадцатых становились персонажами рассказов и повестей раньше, чем стать известными. Или, наоборот, впасть в безвестность. В 1925 году В. Катаев в рассказе «Бездельник Эдуард» описывает Эдуарда Багрицкого и Юрия Олешу. В том же году Георгий Шенгели начинает свой роман-хронику «Черный погон» (увы, полностью до сегодняшнего дня не опубликованную). Он использует почти тот же прием, что спустя полвека и Катаев в «Алмазном венце», – но не клички, а скорее, анаграммы. Так описывает Шенгели появление в его одесском жилище в 1919 двух одесских поэтов – Кардана (Багрицкого) и Красовского (Александра Соколовского):

«Стук в дверь. Кого это черт несет? Хозяйка? Войдите.

Входят двое парней. Один в хорошо пригнанном костюме туриста, чистенький и подтянутый, со сверкающим пенсне на ироническом носу. Другой в матросских штанах, в пиджаке с чужого плеча, из слишком коротких рукавов торчат большие красные пятерни, нечесанные патлы лезут в умные серые глаза.

– Простите: здесь такой-то?

– Такой-то здесь, но с кем он имеет удовольствие говорить?

Мой тон приспособлен для обоих: первому он сигнализирует: «мы люди общества», второму: «будь корректнее». Мне почему-то кажется, что второй обязательно будет некорректен. А в глубине души мне жутко: как «эти» меня нашли? И кто они? Агенты разведки?

– Позвольте представиться, – иронически водит носом первый, – поэты: Александр Красовский и Эдуард Кардан.

Он делает жест в сторону второго...

Я не вру, говоря, что мне «очень приятно».

– Но как вы меня нашли?

– А мы проследили за вами, – хриплым басом говорит Кардан. – Фимка Танцфельд описал вашу бороду, мы вас повстречали час назад со свертками, пошли по пятам, увидели, куда вы вползли, навели справки, оказалось, что «какой-то бородач» снял здесь комнату. Сашка пожелал сначала побриться. От этого и запоздали. Как поживаете?

– А отчего вы просто не подошли на улице?

– Я ж говорю, что Сашка был небрит.

Усаживаю гостей на диван, расспрашиваю. Кардан весело сыплет именами, захлебываясь, читает стихи, свои и чужие, головокружительно острит и хрипло хохочет, когда Красовский вставляет коротенькие ядовитые характеристики.

Через час я уже в курсе всех местных дел, знаю, кто что пишет, кто с кем живет, какой с кем случился скандал, как кого можно позлить. У меня колет в боку от смеха. Что за чудесные парни. Сколько у них чисто пушкинской щедрости в слове, сколько темперамента и остроумия. Мне, привыкшему к петербургской литературной диете, к важности поэтов, к аптекарскому взвешиванию стихов, кажется, что я приехал в деревню и играю в горелки.

Решительно, мы будем друзьями. Я категорически обещаю в ближайшее время поместить об обоих хвалебную статью в «Черноморских новостях» или в «Обновленной России» у Шевелева.

– А вы и там и там напишите, – хладнокровно советует Красовский, – тогда Эдьку в обеих газетах печатать станут.

– Что слава? Яркая зарплата на бедном рубище певца, – вождельно комментирует Кардан.

И, очевидно, уверовав в мою дружбу, заявляет, что ему хочется перекусить.

Однако – чего же перекусить? Я живу бобылем, у меня даже стакана нет.

Ничего: Кардан сбегает в лавочку, купит лимон, хлеба, камсы, брынзы, – и мы будем есть как короли! Я несколько неуверенно достаю булку; Кардан подхватывает ее, и его уже нет в комнате. Красовский, поводя носом, говорит:

– Вы не очень кормите Эдьку, а то он заленится и стихи забросит. Я ему всегда гонорар выплачиваю в половинном размере с условием доплатить, когда принесет второе стихотворение.

Эдя является со свертками и кладет передо мной сдачу. Правда, он вышел из объявленной программы: здесь и коробка хороших папирос, и кус халвы, и еще что-то; но все же сдачи должно быть втрое больше. Это меня раздражает: денег мне не жаль, но почему просто не попросить, зачем непременно надеяться на то, что я из любезности (не по глупости же) «не замечу»?

Спрашиваю, почем сыр, почем камса. Кардан называет несусветные цены.

– Вас бессовестно надули, – холодно говорю я, – почуяли в вас поэта, с которого можно слупить втрое.

– Эдька, отдай, – хладнокровно цедит Красовский.

Кардан, шморгнув носом, сует руку в карман, потом, с мужеством отчаяния, выпаливает:

– Я буду вам должен.

Красовский немедленно снимает пенки:

– Я удержу из его гонорара.

И мне угодил, и Кардана пришпандорил: будет вынужден лишнее стихотворение написать.

Кардан рычит по его адресу крупное ругательство и, достав из кармана ржавый ножик, «кортик, который ему достался от одного турецкого пирата», начинает чистить на куске газеты камсу. Потом поливает крошево лимонным соком и, предусмотрительно держа локоть на пол-аршина от снеди, – чтобы не присоединился Красовский или я, – молниеносно съедает все, запихивая в рот потрясающие комья хлеба. Столь же молниеносно пожирает брынзу, заглатывает халву и, закулив папиросу, удовлетворенно усаживается на диван. Глаза его полузакрыты от неги.

...Наконец гости выкатываются, отняв у меня четыре часа, но обогатив меня ценными наблюдениями. Совсем иной мирок: иной колорит, иной темперамент. Люди много более здоровые, чем мы: без предрассудков. И, пожалуй, Красовский сделает-таки карьеру... руками Кардана. Если только...»

Александр Саулович Соколовский – поэт, основательно забытый. Эмигрировал он в 1920, дальнейшие сведения о его судьбе противоречивы, много путаницы и несоответствий. Как ни странно, больше знают о нем историки, нежели литературоведы. Как же – один из последних одесских дуэлянтов. В аннотации к книге, изданной в 2009 году, «Дуэли, оружие,

мастера. Факты», сообщают о российских дуэлях: «Первая из них относится к 1633 г., а последняя – к 1917 г., причем именно она имеет прямое отношение к литературе – в Одессе на пистолетах стрелялись Валентин Петрович Катаев и поэт А. Соколовский. При третьем обмене выстрелами Катаев был легко ранен». Ну, насчет того, что дуэль эта была последней в Одессе, автор погорячился – по крайней мере и в начале января 1918 сообщалось о вызове на дуэль в Одессе, правда, противники вроде бы примирились. Но дуэль двух поэтов «за честь дамы», оставшейся неизвестной, шума наделала. Стрелялись поэты в обстановке подчеркнуто романтической – у моря, на Ланжероне. Увы, маленькую заметку в «Одесских новостях» заметить трудно, но сатирический журнал «Бомба» отозвался несколькими развернутыми описаниями. Итак, Леонид Нежданов.

Дуэль

Героическая поэма из современной жизни 2 поэтов

Посв. Ал. С. и Вал. К.

Глава 1

Ранним утром,
Блеклым утром,
Сошлись у моря, как враги.
Забыли утром,
Осенним утром,
Что всей России «дороги».

Глава 11

И пистолетом
Двум поэтам
Пришлось решать свою судьбу!
И плачут ветры,
Что мерят метром
Их жизнь – условностей рабу.

Эпилог

И только услышали жуткое «пли»,
Как два дуэлянта, обнявшись... ушли.

Эпитафия.

Лежит Поэт, уплывший в Вечность в шесть утра.
Он пал за «честь» от раны... ниже третьего ребра.

Бомба № 31, 1918

В том же номере и еще один взгляд на произошедшее:

Геростраты

«Од. новости», сообщая о дуэли 2 молодых поэтов, добавляют, что поэты очень просили напечатать их фамилии полностью. Один из поэтов был ранен в верхнюю часть бедра.

Некий вдохновленный этим событием читатель прислал нам следующее четверостишие:

Как измельчали скучно нравы.
Жгли древле храмы Геростраты.
А ныне «Герострат» для славы
Лишь... получает пулю... в зад.

Роберт Херсонский

В Одессе в одном доме долгие годы хранился протокол дуэли, подписанный обоими участниками. Хозяин изредка его демонстрировал, не выпуская из рук. А потом, говорят, уничтожил.

Итак, кто же он, поэт и дуэлянт?

Александр Саулович Соколовский родился 4 февраля 1895 года в семье кременчугского мещанина, одесского 2-й гильдии купца. Поступил в Новороссийский университет на медицинский факультет, был зачислен в 10% норму. Судя по всему, был зеленоглазым – по крайней мере первая его книга, вышедшая в 1916 году, называлась «Зеленые глаза» (типография С.О. Розенштрауха, 240 экземпляров). И во многих эпиграммах обыгрывается то ли название книги, то ли цвет глаз автора. Сегодня известен всего один экземпляр – в российской Государственной библиотеке, с автографом автора В. Брюсову: «Валерию Яковлевичу Брюсову, maitr'у русской поэзии, от бесконеч-

но восхищенного автора. Одесса, 19 (28) марта 1916». Будь благословенна привычка метров не выбрасывать книги, подаренные навязчивыми восхищенными авторами!

Стихи там слабенькие, есть посвящения двум загадочным дамам: одна – некая И. Гинзбург.

«Ваше сердце мой стих обовьет, как змея,
Беспощадною лаской колдующих слов»

Вторая скрыта за инициалами Э. Г., и стихи более лирические.

«Сонная мгла обещает так много обманчивых сказок...
Не уходи, подожди, помечтай хоть немного со мной,
С моря надвинулся вечер, и небо зарделось топазом.
День умирает покорно и гаснет в прохладе ночной.
...
Синие дали туманно прячутся в серые пятна,
Ветер застенчиво шепчет о чарах несбывшихся снов».

Из «Дружеских характеристик одесских поэтов» Бориса Бобовича: «Если вы встретите на улице юношу с утонченно-красным лицом и с темно-зелеными глазами, знайте – это Александр Соколовский. Разница между ним и Пушкиным в том, что первого зовут Александр Саулович, а второго Александр Сергеевич. Но разве это так уж важно?» (Театр и кино, № 5, январь 1917).

Страницы одесских газет и журналов пестрят фамилией Соколовского, начиная с 1917. «Поэт Александр Соколовский выступит в Литературном клубе с докладом, посвященным французской поэзии 14 и 15 веков» (Театр и кино, № 10, март 1917). Объявление в «Южной мысли» 23 марта 1917: «Среди поэтов. Просят товарищей поэтов, желающих принять участие в Интернациональном вечере молодых поэтов, обращаться к члену комиссии Ал. Соколовскому, Степовая, 12».

Соколовский страстно увлечен французской историей и поэзией, что отмечают и одесские остроумцы. Одним из первых прошелся по особенностям стиля меценат одесских альманахов Петр Сторицын.

Из альбома пародий

Наши поэты. Александр Соколовский

Когда во Франции кровавой
Гром революции гремел,
Марат венчался горней славой
И падать в бездну не хотел.
В огне тревоги и страданья
Дрожал он от напора сил.
Но я французские преданья
Одесским языком убил.

Бомба № 34, 1918

И действительно, одно четверостишие в «Зеленых глазах», посвященное прекрасной даме, стопроцентно одесское:

Мои стихи печальны и бледны,
Как лепестки влюбленного левкоя,
Мои стихи тоскуют за тобой,
Мои стихи – тебе обречены.

Да, как говорил классик, в Одессе «скучают за театром». Впрочем, в стихах более поздних таких оговорок Соколовский уже не допускал.

Не особо талантливый поэт, глава также не очень интересного, в отличие от «Зеленой лампы» или Студенческого литературно-художественного кружка, Леонид Ласк также брызжет огнем эпиграмм. Памятуя о недавней дуэли, он вызывает «на «бескровный поединок» всех захватчиков одесского Парнаса.

Особый вызов Валентину Катаеву (он же Бунин) и Ал. Соколовскому как «зарекомендованным любителям бескровных дуэлей и наиболее огнеупорным моим противникам». Соколовскому адресовано следующее четверостишие:

Твой хилый дух лукавый бес замучит.
Протри глаза и тщетным снам не верь...
С таким стихом ты столь Верлен певучий,
Насколько ты с таким умом – Вольтер.

Яблочко, № 2, апрель-май 1918

И из «Венка эпиграмм»

Ал. Соколовскому

Ты скромен. Ты умен. Ты чтить советы мамыны.
И скупое отдаешь досуг твой ты стихам.
Но полулекарские только сдашь экзамены
И бросишь мир к своим ногам.

Бомба, № 32, 1918

Но Ласк – поэт второго, а то и третьего ряда в тогдашней компании. А место Соколовского рядом с небожителями тех дней – Багрицким, Фиолетовым. Багрицкий посвящает Соколовскому два стихотворения – «Кошки» и «Февральский волчий день торжественен и тих...». После гибели Фиолетова Соколовский напишет один из самых трогательных некрологов. «... Фиолетов был немного авантюристом. Авантюрист в высоком смысле этого слова, знаменующем любовь к ярким приключениям и непримиренность с тусклой повседневностью. Помню, как он мечтал о странствии в Индию – пешком! Не это ли стремление к неизведанному толкнуло его на опасную службу в милиции и заставило брать на себя самые рискованные поручения?

Четыре года тому назад он сказал в одном из альманахов:

– Знаешь, я уезжаю,
Закономерно, что ты со мной расстанешься.
Но тонкий, как палец, понял, что я рыдаю,
И спросил нахмуренно: чего ты смеешься?

Мы не смеемся. Нам больно, нам страшно... Закономерность!.. Разве такая смерть – закономерна?»

Соколовский активен и многолик. Он и поэт, и прозаик, автор пьесок и статей о цирке. Он опубликовал два проникнутых мистическими событиями рассказа «Воскрешение бакалавра Луки Гиннарта», в котором посягнувшего на покрывало статуи девы Марии настигает кара, и «Случай с пани Роженьской», в котором мальчик, помогающий женщине найти работу и вернуть мужа, оказывается призраком умершего. Соколовский входит в редакции журналов «Южные огоньки» и «Фигаро», а в ноябре 1919 планирует совместно с Багрицким и Шенгели издавать журнал (очевидно,

именно там планировал он удержать из гонорара Кардана-Багрицкого деньги). 23 ноября 1919 журнал «Театр» сообщил: «В Одессе народился новый журнал искусств. На днях выйдет первый номер журнала поэзии и графики «Аониды», во главе которого стоят поэты. Ал. Соколовский, Эд. Багрицкий и Г. Шенгели. Журнал будет богато иллюстрирован рисунками художников С. Олесевича, Н. Соболя, Ф. Слуцкого и др. Издает журнал С.С. Глускин». Впрочем, «Аониды» – журнал настолько же мифический, как и «Синдетикон», который будто бы издавал Ильф. Никто и никогда его не видел – то ли так и не вышел, то ли не сохранился.

Если попытаться отследить хронику выступлений Соколовского в те годы и отзывы рецензентов, складывается примерно такая картина:

17 (30) декабря 1917

Выставка независимых художников

Общество «независимых» художников кроме лекций устраивает на своей выставке ряд утренников. Сегодня в 1 часу дня на выставке состоится «поэтический утренник». Молодые поэты будут читать свои новые произведения. Участвуют: А. Биск, А. Горностаев, Б. Бобович, В. Катаев, А. Соколовский, А. Фиолетов. (Одесский листок)

1918, 28 марта (10 апреля)

С Р-ский Вечер кружка одесских поэтов

Поэтов, которые читали свои стихи, было семеро...

Ал. Соколовский устремлен в прошлое. Создать изящную гравюру, на которой бы пировали слуги доброго короля Генриха или спорили бы бакалавры из Болоньи, – вот основное стремление его стиха. (Одесский листок)

1918, 2 (15) апреля в зале консерватории состоится вечер французского искусства, посвященный живописи, музыке и поэзии. В вечере принимают участие: М.К. Гершенфельд – лекция о французском искусстве... поэты А. Биск, А. Соколовский, И. Бобович, А. Фиолетов, которые прочтут свои неизданные переводы французских поэтов. (Одесский листок)

1918, 6 (19) октября

Театром Гротеск приняты к постановке пьесы поэта Ал. Соколовского «Так было» – гротеск и шутка в стихах «Тайна исповеди» – из эпохи 18 века. Обе пьесы пойдут в ближайшем будущем. (Театральный день, № 144)

1918, 16 декабря

В малом зале литературно-художественного общества состоится вечер поэтов памяти трагически погибшего поэта Анатолия Фиолетова. Вступительное слово сделает Л.П. Гроссман; сообщение о творчестве Фиолетова сделает Г.О. Гершенкройн. Поэты Эд. Багрицкий, Исидор Бобович, Ал. Соколовский, С. Кесельман, Елена Кранцфельд, Вера Инбер, Вл. Фон-Дитрихштейн и мн. друг. прочтут свои стихи. (Одесский листок)

1918, 14 (27) декабря

Стани. (С. Радзинский) Венок поэтов (Вечер памяти Ан. Фиолетова)
...Особо поставлю Эд. Багрицкого и Ал. Соколовского. Это настоящие поэты. Стихи первого как удар топора: он резок, подчеркнут, пламенен и груб, этот поэт кровавых зорь и первобытных степей Востока. Соколовский же культивирует размеры Запада и достиг в них значительных успехов. Иные из его стихотворений о старой Франции времен христианнейшего короля и лилий бурбонских напоминают старинные гравюры и положительно прекрасны... (Одесский листок)

1918, 15 (28) декабря

Вечер памяти поэта Ан. Фиолетова. Дружная семья молодых одесских поэтов устроила в лит.-арт. обществе вечер, посвященный произведениям трагически погибшего поэта Анатолия Фиолетова, память которого была почтена вставанием. Г. Леон[ид] Гроссман во вступительном слове и г. Гершенкройн в небольшом докладе отметили своеобразие творчества Фиолетова, свободного от влияния богов поэзии наших дней. В программу вечера вошло чтение собственных стихов нашими поэтами, стихов светлых, молодых и в большинстве талантливых. Заслуживают быть отмеченными стихи В. Инбер, А. Биска, Ел. Кранцфельд, Э. Багрицкого, Ю. Олеши, А. Соколовского. (Огоньки, № 33)

1918, 28 декабря

Просперо. Вечер памяти Анатолия Фиолетова... Стихи, прочитанные Ал. Соколовским, поэтом, уже установившимся, со своим «ликотворчества», еще раз подчеркнули его уже знакомый нам «лик». (Мельпомена, № 38-39)

1919, 17 (30) сентября

Студенческий Литературно-художественный кружок. На последнем заседании.

...по просьбе публики выступили поэты Ал. Соколовский с рядом отдельных стихов и Елена Кранцфельд. (Одесский листок)

1919, 1 (14) октября. Второй вечер студенческого кружка.

Александр Соколовский читал, по обыкновению, средневековые стихи, переполненные «королями» и «императорами», благодаря чему публика отнеслась к ним довольно холодно, несмотря на все достоинства их. (Одесский листок)

1919, 8 (21) октября

Третий вечер студенческого Литературно-художественного кружка.

Определившимися поэтами можно считать Эд. Багрицкого и Ал. Соколовского. Обдуманно и отшлифованы средневековые эскизы Соколовского. Некоторый перелом в сторону мимики (так в тексте, возможно – мистики. – **А. Я.**) замечен, впрочем, у него теперь. (Одесский листок)

1919, 15 (28) ноября

Вечер литературно-студенческого кружка.

...Благородным тоном проникнуты стихи Ал. Соколовского. (Одесский листок)

1919, 2 декабря в Лит-Арт. клубе состоится вечер памяти покойного поэта Ан. Фиолетова. Слово о творчестве Фиолетова скажет Л.Р. Коган. Затем будут прочитаны неизданные стихи Фиолетова. Свои стихи прочтут поэты: Адалис, Э. Багрицкий, Ис. Бобович, Ал. Биск, А. Горностаев, Вл. Ф.-Дитрихштейн, Вал. Горянский, Вера Инбер, С. Кесельман, Елена Кранцфельд, Ал. Соколовский, Г. Шенгели, З. Шишова и др. Нач. в 7 ½ час. (Одесский листок)

1919, 3-4 декабря. Прошел вечер «Веселые сумерки» с участием Багрицкого, Соколовского, Е. Кранцфельд (Театр, № 18)

1919, 5-6 декабря

Вечер поэтов. Молодые поэты собрались в Литературно-артистическом обществе на вечер в память Фиолетова...

Во втором отделении поэты читали свои стихи. Соколовский интересный и оригинальный поэт. (Театр, № 19)

1919, 7 декабря в журнале «Театр», № 20, очерк Соколовского «В цирке. Разговоры»

1919, 10-11 декабря

В. С. Веселые сумерки (Воскресная чашка чая в Доме артистов)

Вторая чашка чая, устроенная редакцией журнала «Театр» в декабре.

Талантливый Ал. Соколовский воскресил культ забытого искусства, блестяще и мгновенно импровизируя стихи на заданные публикой темы под прекрасный аккомпанемент Макса Рабиновича. (Театр, № 22)

12-13 декабря вышел 23-й номер журнала «Театр» с очерком «На вечерах поэтов. Разговоры». Соколовский грустно замечает: «раньше поэт печатался, чтобы выступить, теперь он выступает, чтобы печататься»

1919, 15 декабря

Только для приглашенных. «Третьи сумерки». Поэт Соколовский, читающий свои стихотворные мысли на волнующую поэтическую злобу. (Театр, № 26)

1919, 4 (17) декабря

Вечер памяти Фиолетова. ...По-юношески оригинален Ал. Соколовский, но чувствуется и у него «изюминка». (Одесский листок)

25 декабря – 7 января. Судя по всему, последнее опубликованное в Одессе стихотворение Соколовского – «Гомер» в «Одесском листке», № 218.

Участник литературных кружков Вадим Долинов вспоминал, что у Соколовского была невеста, тоже поэтесса. Имени ее он не запомнил, в памяти осталась лишь строчка из стихов: «Мой будуар обит зеленой кожей».

Соколовский бежал из Одессы в Крым, где тоже успел активно поучаствовать в литературной жизни. Если верить справочникам, в 1920-м в Симферополе он издал свою вторую книгу стихов «Покойник с гитарой». Но, как и в случае с «Аонидами», никто из исследователей книги

эту не видел. Участвовал он и в двух поэтических сборниках – «Пьяные вишни» и «Ковчег». Если первый доступен лишь исследователям, то второй был переиздан в Одессе в 2002 г. Е. Голубовским под названием «Возвращение Ковчега». В нем семь стихотворений Соколовского. О феодосийском периоде и издании «Ковчега» оставил замечательные воспоминания Эмилий Миндлин.

«В этом «новом ковчеге» (имеется в виду ФЛАК – литературное объединение. – **А. Я.**) и родился альманах поэтов «Ковчег», который одессит Александр Соколовский и я издали в 1920 году.

Александр Саулович Соколовский был года на три старше меня и появился в Феодосии на несколько месяцев позднее, чем я. Приехал он из Одессы вместе с родителями. Отец его – ученый-экономист – был заместителем министра торговли в правительстве гетмана Скоропадского. Во ФЛАКе старик Соколовский, елеино седобородый, выступал с какими-то лекциями.

С Александром мы сошлись относительно близко как самые молодые в литературном обществе ФЛАКа, возглавленном Максимилианом Волошиным. В Одессе Александр учился на медицинском факультете Новороссийского университета, но закончить его не успел – писал и уже печатал стихи, был поклонником Ронсара и «брюсовианцем». Феодосийцев он потешал очень забавными рыжими бачками, демонстративно «под Пушкина», стихи читал нараспев, любил нравочить и щеголял хорошим знанием французской поэзии. От него впервые я узнал об одесских поэтах и писателях, впоследствии широко прославившихся, – об Эдуарде Багрицком, Валентине Катаеве, Леониде Гроссмане и других. Избалованное дитя богатых родителей, он был для своих лет хорошо образован, неглуп, но так манерничал и кривлялся, что всякое его выступление во ФЛАКе вызывало насмешливые улыбки слушателей.

Не помню, кто из нас предложил назвать наш альманах «Ковчег». Мысль о двусмысленности этого названия пришла в голову не нам, а редакции петроградской черносотенной газеты «Вечернее время», принадлежавшей Борису Суворину. Издавалась эта газета в ту пору уже не в Петрограде, откуда Суворины бежали, а в Феодосии. Тут была у них своя дача. «Вечернее время» писала, что, в отличие от библейского ковчега, в «Ковчеге» феодосийских поэтов собрались одни нечистые.

Верно, что в альманахе было немало плохих стихов (в том числе и моих). Но были и очень хорошие: Максимилиана Волошина,

Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама, Ильи Эренбурга, Софьи Парнок, стихи Эдуарда Багрицкого, которые Соколовский привез из Одессы. Видимо, это первый случай напечатания Багрицкого за пределами его родного города. Мы напечатали также стихи одесситов Вениамина Бабаджана, Анатолия Фиолетова и Елены Кранцфельд, стихи тогда уже небезызвестного на Юге России Георгия Шенгели, и Майи Кудашевой, и некоторых других поэтов, дружески связанных с Коктебелем...

Откуда мы взяли деньги на издание?

Группа поэтов во главе с Осипом Мандельштамом устроила во ФЛАКе вечер «Богема». В нем участвовали все лучшие силы, собравшиеся тогда в Феодосии, – Волошин, Мандельштам, скрипач Борис Сибор, пианистка Лифшиц-Турина. После этого «Крымская мысль» опубликовала письмо, подписанное Осипом Мандельштамом, Бабаджаном, Полуэктовой и другими. Поэты ФЛАКа поручили Э. Миндлину и А. Соколовскому на вырученные с вечера 13718 рублей издать литературно-художественный альманах. На эти-то деньги мы с Соколовским и выпустили феодосийский «Ковчег».

...На этом издательская деятельность «Феодосийской группы поэтов» закончилась. Соколовский с родителями в дни разгрома Врангеля бежал за границу. ФЛАК закрылся еще до освобождения Крыма.

Во ФЛАКе Соколовский выступал 22 января 1920 на вечере Э. Мандельштама – «со словом о Мандельштаме», 25 января А. Цигальский сделал доклад о творчестве самого Соколовского, а 5 февраля состоялся его творческий вечер. На вечере автор читал из книги «Роман», поэму «Мадлена», сделал сообщение «Средневековая лирика mademoiselle d'Orlean».

Сведения о последующем периоде отрывочны. Он попал в Константинополь, затем в Румынию. Известно, что в 1921 издал повесть в стихах «Роман благословенный», в 1921 печатался в «Сполохах» и «Русской мысли».

Он попал в словарь русских зарубежных писателей, составленный Валентином Булгаковым в Праге в 1940: «...Соколовский Ал-р Са-ч (Бухарест). Поэт, бывший председатель «кружка поэтов» и редактор журнала «Аониды», автор сборника стихов «Покойник с гитарой» (Симф., 1920). Совместно с А. Каменским и И. Сургучевым организовал в Константинополе общество А.П. Чехова».

Из письма Р. Тименчика С.З. Лущику 13 марта 1995:

«Какой-то А. Соколовский, бывший редактор «Аонид» (разве они вышли?), жил в Бухаресте в 1920-30-е, он же печатался в кишиневском «Нашем слове» в 1922 г., какой-то печатал стихи в Русской мысли (1922, № 5, подписано Генуя) Не знаю, он ли деятель Одесского клуба в Нью-Йорке 1941 г. А. Sokolovsky».

Считалось, что Соколовский позднее осел в Америке, что у него были публикации в «Накануне». Точно ли так?

Судьба порой преподносит удивительные подарки. Пытаясь найти в фондах Российской государственной библиотеки рисунки Э. Багрицкого, я наткнулась в картотеке на письмо, подписанное «А. Соколовский» и присланное из Америки. И вот, читаю внимательно.

«Нью-Йорк, май 10.1924.

Здравствуйте, тов. Кузнецов!

Ваше письмо получил и рад вступить в переписку с вами. И так – я начинаю. Вначале познакомлю вас со здешними пролетарскими писателями. Здешних писателей организовал я. Сперва работали споро и дружно, но потом из-за некоторых политиканов в кружке пошли дразги и споры, так же, как и в организациях, о которых вы писали.

Лично я много рассказов напечатал в здешних газетах (около 60-ти) и роман «В чужой стране». О нем доклад был сделан в 1923 году в Москве во Всерос. Союзе крестьянских писателей. Печатался и в Германии («Накануне»), и в Аргентине. В общем, о моих рассказах было много лестных отзывов».

Что ж, люди меняются, и взгляды у них меняются, и выживать надо. Но каков кульбит – от белоэмигранта до вхожего в Союз крестьянских писателей! Поражаясь этому повороту событий и сомневаясь, как же мог утонченный эстет стать своим для пролетариата и крестьян, читаю дальше: «Теперь о себе. Я одессит». Ну, точно он, Александр Соколовский. Но следующая фраза опровергает все построения: «В Америке восемь с половиной лет. Был здесь и «под конем, и на коне», но больше всего «под конем». Работал, когда была работа, а во время безработицы мрачно шагал по улицам и мечтал... о революции. Помню: восемь лет тому назад, как только сошел с парохода, – потянуло назад, в Россию. С тех пор стремлюсь туда. Надеюсь зимой или к весне быть там». Еще не желая расстаться с надеждой найти того, моего Соколовского, думаю о возможности запутать советского собеседника, сместив дату приезда.

Но дальнейшее письмо явно доказывает – было в Одессе два А. Соколовских. И оба писали. И оба эмигрировали. Бывают же такие невероятные совпадения! А американский Соколовский не советует ехать в Америку, впрочем, и не отговаривает особо: «Если уж поехать – то на некоторое время, заработать денегу (если удастся, а потом обратно в Россию). Я думаю, что вам после интересной, полной жизни в Москве здесь не понравится». Автор письма просит узнать о судьбе своего сборника рассказов, переданного во Всероссийский союз крестьянских писателей, просит адреса журналов и издательств, чтобы опубликовать рассказы из жизни русских в Америке, и в завершение выражает желание вступить в «Кузницу».

Увы, это не тот Соколовский. Надежда найти еще одну рукопись поэта и узнать о его судьбе не оправдалась. И сегодня единственный авторграф Соколовского – на книге, подаренной Брюсову, – немного манерный, с намеком на завитушки. Судьба его после 1940-го года неизвестна. Как писал он в одном из ранних стихотворений в 1914:

И я один по злым путям былого
С мучительной тревогою бреду.

Впрочем, возможно, точнее стихи более зрелого поэта, написанные в 1918:

Мне весело бродить по переулкам
И отдаваться длительным прогулкам,
Прислушиваясь к спутанным речам.

Из сборника «Зеленые глаза»

Зеленые глаза

Сонет

Зеленые глаза – загадочны и странны,
Как призраки немой, незримой глубины.
Порой в них светятся мистические сны,
Порою грезятся безумные обманы.

Они таинственны, как бледный свет Луны,
Они безжалостны, как волны Океана.
В них чудится мечта неведомой страны,
Где небо зелено, как пальма Индостана.

Зеленые глаза – живые талисманы.
И тот, кто раз познал спокойствие Нирваны,
Кому безволие и мука суждены –
Тот знает, что глаза загадочной волны
Влекут к себе сердца, как вещи туманы,
Рожденные на дне зеленой глубины...

915

* * *

Зажженные светы погаснут в гробницах,
И гордые мысли сотрутся веками.
Зачем же мы верим, что чудо свершится,
Зачем поднимаем великое знамя?
Мы ищем прозрения в книгах поэтов,
Мы жадно читаем великие строки –
Но время сотрет роковые обеты,
В тумане исчезнут певцы и пророки.
Творенья поэта, безумства героя,
Бессмертные факелы вещей исканий
Растопчутся пьяной и грязной толпою,
навсегда исчезнут в бесследном тумане.
Умрут мудрецы и уйдут поколенья,
останутся книги... Проклятые книги!
Далекий потомок улыбкой презренья
Спокойно отметит великие миги.
Зачем же мы ищем нетленного света,
Сметая безумье в певучие нити?
Молчите, пророки, молчите, поэты,
Герои и маги – молчите, молчите!

Май 915

Портрет г-на N

Напудренный, изящный и нескромный,
Ты покорял желанья и сердца,
Когда пронзал своей улыбкой томной
Глухие тени встречного лица.
Накрашенными алыми губами
Ты говорил красивые слова –
И тайны открывались перед нами,
И в смутных снах кружилась голова.
Ты подводил изогнутые брови
Над томным взглядом изумрудных глаз,
И ты горел поэтом в каждом слове,
И в каждом слове – зажигал экстаз.
Порой, склонясь уверенным пробором
Над чьей-то обезумевшей рукой,
Ты говорил, что страсть проходит скоро,
И прибавлял: «Я более не твой».
И прикоснувшись алыми губами
К холодным пальцам трепетной руки,
Ты уходил спокойными шагами
И дома сочинял свои стихи.
Ты их писал на палевой бумаге,
Надушенной лукавым Logéas,
И выводя узорные зигзаги,
Ты как рубины подбирал слова.
Но вдруг – случайно вспомнив чье-то имя,
Ты становился нежным и простым,
Ты забывал, что ты доступен многим,
Как забывал о пудре и духах –
И умирая на ее...
Ты все печали отражал в стихах.
И так всю жизнь тебя слова водили,
Как водят дети мудрого слепца,
И все восторги пред тобой открылись,
Как пред твоей улыбкой все сердца.
А ты играл лукавыми огнями

Проборчатых надушенных волос
И говорил красивыми словами
О том, что «жизнь – безумье тайных грез».
И вышивая золотым узором
Своей мечты ласкающий сонет –
Ты женщин обводил спокойным взором –
И в каждом взоре находил ответ.

Февр. 916

О принцессе Ирис

Кто-то тихий и влюбленный приподнял на миг завесу,
Кто-то ласково шепнул мне: «С неизбежным примиришь...»
Повтори мне, сердце, сказку про лукавую принцессу,
Про лукавую принцессу, темнокудрую Ирис!
...Это было... Помнишь, сердце? Это было так недавно...
Кто-то бросил ей сонату, где безумия сплелись.
Но принцесса – беспощадна! Но принцесса – своенравна.
И поэту отказала темнокудрая Ирис.
И принцесса – равнодушна. Беспощадна. Непреклонна.
Он ушел – она молчала. Ах, поэт так ждал... Вернись.
Он любил – она забыла. Неизбежная развязка –
Если хочешь – порыдаешь, если хочешь – улыбнись...
Сердце, сердце – ты рыдаешь? Это сказка, только сказка
Про лукавую принцессу, темнокудрую Ирис.

Февраль 916

Избраннику

Валерию Брюсову

Над жадной бездной иступленности,
Над стрелами враждебных глаз
Всплывают отклики влюбленности,
Царит чувствительный экстаз.

Душой уверенной и гибкою
Ты чью-то тайну подстерег,
И с равнодушною улыбкою
Венчаешь доблесть и порок.

Безумно-алыми рубинами
Бросая беспощадный стих,
Ты дышишь сказками старинными
В извивах улиц городских.

Равно прекрасному и злему ты
Сплетаешь радостный венок
И смотришь зорко в злые омуты
Страстей, желаний и тревог.

Ты гредишь смутными намеками,
Но в каждом слове – твой экстаз.
Какими злыми и далекими
Ты видишь нас, ты видишь нас.

Изнежен грезами весенними,
Безумец, гений и мудрец,
Ты равнодушными хотеньями
Бросаешь сердце в бой сердец.

И если песни вдохновеннее
Придумает иной поэт –
Ты будешь помнить все мгновения
Твоих уверенных побед.

И все безумия и нежности
Сплетутся в пламенный венец,
Венчая тайной неизбежности
Тебя – восторженный певец!

Май 916

Жрец Ваала

Сонет

И. Н.

Когда-то в древности я был певцом Ваала –
Вся Вавилония была подвластна мне.
Когда я в храм входил при грохоте кимвала
И тихо исчезал в таинственном окне –
Смущенная толпа безмолвно трепетала,
И даже грозный царь на вороном коне
Испуганно внимал, как я у пьедестала
Молил богов послать могущество стране.
Вокруг торжественно камильницы курили,
И к синеве вздымался фимиам.
И боги грозные к нам милостивы были,
Наш меч повсюду нес позор и смерть врагам.
...С тех пор прошли века. И люди позабыли
Богов страны моей и пышный, гордый храм...

915

Город

Я люблю тебя, о город, царство камня и улыбок,
Ты таишь в своих извилах тонкой страсти острый яд.
Воздух твой – такой влюбленный – вечно пылок, вечно зыбок,
Ты сдавил печаль и горе гнетом каменных громад.
В час урочный, в час вечерний я хожу по тротуару,
Я люблюсь пестрой смесью бесконечных верениц,
Ты зажег в своих витринах бесперывные пожары,
Окна пламя отражают миллиардами зарниц.
А толпа волною бурной заликает переулки
И на улицах широких вечно бьется и кипит.
И шаги прохожих встречных в этот час так странно гулки,
Каждый шаг в себе как будто тайну странную хранит.

Я ищу, и мне навстречу мчатся ласковые взоры,
Извиваются улыбки, словно в танце дикарей.
Гибко воздух рассекают окрыленные моторы,
Ударяя в сумрак ночи взглядом ярких фонарей.
Все прекрасно, все ликует, все сверкает, утопая
В ослепительном сиянье электрических свечей.
И в глазах у встречных женщин блещет дымка золотая –
Эта дымка скажет больше тьмы волнующих речей.
Взоры счастье обещают: «Посмотри, как мы красивы!
Помани – пойдем с тобою. Нашей страстью опьянись».
Их улыбки – так тревожны, так влюблено шаловливы,
В их лице печаль и радость в пляске бешеной слились.
Сколько тут сердец разбитых, робких вздохов, нежных ласок.
Сколько злобы, сколько страсти и капризно-странных сцен!
Сколько ты, волшебный город, сплел лукаво-нежных сказок,
Сколько ты в себе скрываешь водевилей и измен!
Каждый миг – за тайной тайна. Каждый миг – за бездной бездна.
Ты – великий и подменный – все печали победил.
Я люблю тебя, о город, я люблю тебя, железный! –
Смелый, дерзкий и безумный, царство пьяных, диких сил!

914

Курильня опиума

Я. Г-ну

На грязных нарах брошены небрежно
Облезлые персидские ковры.
В стене окно. Стучится полночь нежно,
И видно небо, полночь и обрыв.

Над потолком, игриво прячась в тенях,
Висит фонарь и льет неверный свет
На всех, застывших в темных опьяненьях
Горящим зноем призрачных побед.

Сквозь сон вздыхают пьяные матросы,
Привычно сжав узорчатый чубук.
Горячий хмель тела на камень бросил
И тесно сплел объятья цепких рук.

Скользят минуты в голубом дурмане
И каждый миг – безумней и наглей.
Мальчишка-негр в малиновом тюрбане
Сквозит неслышно в гибкой полумгле.

В отравленной, рассудочной Европе
Я воскрешаю сказочные дни...
Топазной каплей темно рдеет опий
Под углями китайской жаровни.

Из сжатых губ не вырвется ни слова,
Усталый взор скользит в глухом бреду,
И я один по злым путям былого
С мучительной тревогою бреду.

Март 914

Из одесских журналов 1917-1918 годов

Маскарад

Она пляшет в цыганском таборе
И у нее глаза проститутки

Сегодня ночью – мой сплин излечен,
Оркестр, безумствуй, играй, зови!
Рукою потной хватай за плечи
Изнемогающих от любви!
Я буду долго актрисам хлопать,
Касаться дерзко горячих рук –
И в душном зале спустится копоть
Над пьяным смехом моих подруг.

О, эта музыка так похожа
На умирающую любовь!...
Еще безжизненной тлеет кожа.
Еще страшнее оскал зубов...
И груди женщин в лиловом рюше,
Устало пахнущие вином,
Твердят все тише, твердят все глуше
Незабываемо – об одном:
И что все доступны и все продажны,
И зацелованы все давно –
И эта леди с осанкой важной,
И это черное домино.
Огни струятся рекой хрустальной,
Целуя щеки ночных принцесс.
О, как мучительно, как печально
Свою любимую встретить здесь!
Мне страшно, страшно! Мой голос тусклый
Вдруг надломился и задрожал...
И мне не странно, что там – под люстрой
Пьеро ощупывает кинжал.
Театр и кино, № 7, суббота, 11 февраля 1917

Апрель

М-lle К.

Весна любовница пришла незваная,
Сверкнула стрелами невинных глаз,
Слегка наивная, слегка жеманная,
Свернулась кошечкой – и улеглась.

Меня холодного, меня капризного,
Боятся женщины, не любят сны.
Весна улыбкою мне в сердце брызнула,
Целую пальчики моей весны.

Лучи хрустальные певуче-палевы,
Играют в бархате ночных гардин,
Весна-проказница! Ну, как узнали вы,
Ну, как узнали вы, что я один?

Рукою тонкою коснетесь ласково
Прозрачной зелени усталых глаз.
Пусть все растрчено, пусть все истаскано –
Весна воздушная – я верю в вас.

Висков седеющих вы не заметите:
– Не все равно ли вам, моя весна?
Пусть радость скомкана в продажном трепете –
Душа спокойная теперь ясна.

Она не спутает и не обманется –
Такою радостью пронизан стих!
О, смейтесь, милая Весна-жеманница,
Свернувшись кошечкой у ног моих!

Кончаю в золоте мой путь скитальческий:
Какие яркие я вижу сны!
И я признательно целую пальчики,
Целую пальчики моей весны.

Театр и кино, № 11, 18 марта 1917

Баллада без посвящения

Donne-moi la rose – je donnerai ma ballade.

Мальчишка, пьяница, поэт –
Вся жизнь моя – арлекинада.
Влюбляюсь в каждый силуэт,
От каждого пьянею взгляда.
Сильнее смерти, слаще яда
Дурманит кружево стихов;

Кому стихи мои – улада,
– Тому дарю мою любовь!

Любимее любимой – нет.
Очаровательней – не надо.
Рондо, терцина иль сонет
За нежность лучшая награда.
Певуче рушится преграда,
Упруго пламенеет кровь...
Чье сердце этим строкам радо
– Тому дарю мою любовь!

Я знаю клад. На нем запрет –
Он зачарован флейтой ада,
Но все ж не раз в стихах воспет
Влюбленный шорох маскарада.
Любовь, как нежная няяда,
Играет жемчугами слов,
И – кто откроет тайну клада,
– Тому дарю мою любовь!

Посылка

Моя баллада – как лампада,
Она вас выведет на зов –
– Кого поет моя баллада,
– Тому дарю мою любовь!

Театр и кино, № 12, 25 марта 1917

Sonnet d'impression

R. Rosenberg

На сером платье розовая роза
Запахла запахом Régent de France.
Старинный и мечтательный романс
О девушке, чье имя – Долороза.

Темно. У вас изысканная поза.
У вас лицо – как розовый фаянс.
Сгущается неуловимый транс,
Дыша духами душного наркоза.

О, вечер кружевных очарований!
Во мраке смех наивней и желанней,
Рука доверчивей лежит в руке.

И я храню цветок воспоминаний
И думаю о вашем талисмানে –
О шелковом душистом лепестке.

Театр и кино, № 15, 15 апреля 1917

Еретик

Посв. Р. Розенберг

Семь наук с отменным прилежаньем
Изучив в аббатстве до конца,
Был и я благословлен собраньем
На высокий подвиг мудреца.

Снаряженный приором в дорогу,
Я припал с мольбой к его рукам
И поклялся в вечной службе Богу
И в святой вражде к еретикам.

Став студентом славной Саламанки,
Я вникал в ученье мудрецов,
Презируя пестрые приманки,
Привлекательные для глупцов.

Я читал и слеп от книжной пыли,
И тогда высокий факультет
Предложил мне кафедру в Севилье
И вручил магистерский берет.

Я читал легко и благосклонно
Пред толпой веселых школяров,
Тонко имитируя Платона
На священном языке богов.

Стал мне близок мудрый Аверроэс
И спокойствие ученых книг,
Но однажды, в рукописях роясь,
Я прозрел внезапно и постиг...

И тогда огнем неожиданно резким
Был я просветлен от мудрецов
И отважился с сомнением дерзким
Подойти к делам святых отцов.

Я отверг Триаду дерзновенно,
Господу Единому служа,
И лиценциаты вдохновенно
Раздували пламя мятежа.

Был я проклят папою и Римом,
Но святой огонь грядущих дней
Вспыхнул пламенем необоримым
На священной мантии моей.

Южный огонек, № 1, 8 (21) апреля 1918

Светлое воскресенье

Глухая ночь все мертвенней и гуще;
Мне бок пронзило острое копьё
Но ты не страшен, мудро стерегущий
Святое Воскресение мое.

Колокола над сонною долиной
Поют всю ночь. И я один в гробу.

Уже давно Мария с Магдалиной
До слез оплакали мою судьбу.

Я слышу крики радости и песни –
Но это – ложь. И ты напрасно ждешь.
И если люди скажут Мне – Воскреси!
Воскресну Я – и ты падешь.

Южный огонек, 9 (22) апреля 1918, пасхальный номер

Сирены

Nemo postquam sirenas viserit de feminis mortalibus putabit
Theophilus Campaniensis Errata

Кто слышал томный глас Сирены,
Тот не прельстится песней жен.
И я, поникший и смиренный,
Неведомым заворожен.
О тени сладостные, где вы?
Я говорю мечте: зови!
Меня страшат земные девы
И яд испытанной любви.

О, если б мог вернуть опять я
Былые громкие дела!
А здесь – неищущие объятья
И утолимые тела.

И те ж не жаждущие груди,
И стрелы не томящих глаз.
И тщетно я молю о чуде,
И к небесам подъямлю глас.

И тщетно руки я в смущеньи
Подъямлю на закате дня,

Моля богов о возвращеньи
Похищенного у меня.

Скользят спокойные созвездья,
Верша суровую судьбу.
И слышу горестную весть я,
Ответствующую рабу:

Что край палящего циклона
Удел богов, а не рабов,
Что воля Мудрых – непреклонна,
И смертным – смертная любовь.

Южный огонек, № 3, 6 (19) мая 1918

Spleen

Как медленный дракон, глухая ночь ползет,
Чтоб горло перегрызть не верующим в чудо.
Какая новая жестокая причуда
Опять обрушится на жалкий небосвод?
Слепая муть лежит на дне зеленых глаз,
И губы бледные прокушены до боли,
И близится конец. И не самой Судьбой ли
Для мудрого конца назначен строгий час?

За окнами – тоска. Сквозь бешеную твердь
Янтарный щит луны ползет, как черепаха,
И где-то далеко играют фуги Баха,
Тяжелые, как медь, и близкие, как смерть.
Я повернулся вдруг. И скрипнула кровать.
За ставней брызнул свет с оттенком изумруда.

О, малодушные, не верящие в чудо!
Глухая ночь близка – а чуду не бывать!

Южный огонек, № 6, 27 мая (9 июня) 1918

* * *

Опять возвращены глухие вечера,
И красный щит луны, и крепкий чай, и скука.
И то, что нравилось-то все еще вчера –
Сегодня кажется непревзойденной мукой.
И скучны Ливия забытые листки,
Не нравится вино, и дым табачный горек.
И утомительной отравленной тоски
Не в силах победить излюбленный историк.
Но все же сохранен пленительный уют
Давно забытого покинутого лона:
Ночные улицы, как встарь, меня зовут,
И ночь глубокая, как прежде, благосклонна.
И вот возвращены, возвращены, как встарь,
Часы излюбленные холостых прогулок,
И страстная луна наводит свой фонарь
На губы юноши, чей шаг ленив и гулок.
Южный огонек, № 8, 30 июня (13 июля) 1918

Чехов

Туманный день, пустынный и глухой,
Исполнен ядом сладкого бессилья.
По вашей коже, гладкой и сухой
Предсмертный зной свои развеял крылья.
Вы смотрите в открытое окно
И видите листву кустов осенних,
И кажется, что все обречено
Застыть навеки в сумеречных тенях.
Закат не виден. Тучи тяжелы.
И тополя под ними низко гнутся –
А где-то там, под сводом темной мглы,
Еще лучи сияющие льются.
И все ясней становится душе,
Что к вам в окно прощальный луч не брызнет,
И сумерки не радуют уже
Глаза, померкшие для этой жизни.

О, бледный Чехов! Строгая судьба
Уже сочла последние минуты:
И тонкая прокушена губа,
И легкие предсмертной болью вздуты.

Южный огонек, № 10, июль 1918

Карл 2-й Испанский

Отец погиб, империю расстроив.
Отец сгорел на травах и шелках.
Священное наследие героев
Лежит в моих опущенных руках.
В мои поты стремятся каравеллы,
Неся мне мускус, жемчуг и парчу,
И всех границ Всемирной Королевы
На карте я пером не очерчу.
Моя земля – от сонного Памира
До Мексики, лежащей в серебре.
Но тяжело быть владыкой полумира
И молча умереть в монастыре.
Я околдован. Здесь, в убогой келье, –
Распятия, монахи, образа...
Меня сожгло отравленное зелье,
И молча смерть глядит в мои глаза.
Мой стол неприхотлив и не обилен:
Стакан вина и получерствый хлеб,
По вечерам же я совсем бессилен,
Когда спускаюсь в мой старинный склеп.
Два факела. На полустертых плитах
К глазам испуганным прижав ладонь,
Читаю предков имена убитых,
Отравленных и брошенных в огонь.
Да, все мое – и тропики, и полюс!
Но вот – гробница. Ужас затая,
Читаю: *Nic sepultus est Carolus
Secundus Imperator.* Это – я.

Вдоль стен медлительно проходят тени,
Холодный пот уже скользит по лбу...
Одни лишь имена моих владений
Не уместились бы в моем гробу!
Проходят мимо предков вереницы,
И, как актер влюблен в свою игру,
Я вдруг целую прах своей гробницы –
И все-таки не верю, что умру!

Южный огонек, № 11, июль 1918

Автору пьесы

Пастелью ласковых грехов
Вы пьесу томную раскрасьте:
Немного слез, немного страсти,
Немного пудры и духов.

Холодной злобы взвесьте яд:
Кинжал, любовь и запах серный –
Пусть рифмы прыгают, как серны,
И очаруют весь театр.

Для героини – матинэ,
И поцелуй – у самой рампы.
И в этот миг пусть светят лампы
Чуть-чуть печальней и темней.
Сплетая тонких слов вуаль
Вы прикажите jeune premiere'у
Чтоб он последовал примеру,
Который дал ему Уайльд:

Монокль, гардения и «тон» –
Наивный зритель очарован.
Обворожен игрою он,
Ошеломлен и побежден.

И ваши очи, мой поэт,
Вдруг станут ярче и моложе,
И дама из соседней ложи
Вам бросит розовый букет.
И вы, цветок в петлицу вдев,
Уйдете в зареве огнистом,
Чтоб рассказать фельетонистам,
Как создавался ваш шедевр.

Фигаро, № 1, 8 (26) мая 1918

Бал разочарованных

Мотив для арлекинады

Сияют звезды. Небо, спрячь их!
К изведанному не зови!
Сегодня вечер пьян, как мальчик,
Вкусивший в первый раз любви.
Мы пьем вино, как вальс старинный.
Скользят мечты. И я – не с ней.
Пьеро грустны, но Арлекины
Еще печальней и грустней.
И ласковые кавалеры
Не говорят, что мир высок, –
Им снятся низкие галеры
И выстрел, брошенный в висок.
Мы – рыцари нежданной встречи
И неисполненной весны.
Мне странно слушать наши речи,
Развенчивающие сны.
Но ночь плывет, плывет и тает,
И люстра красная зажглась,
И Коломбина прикрывает
Ресницами жесткость глаз.
Что снится ей, рыжеволосой?

Не изумрудные края ль?
Пьеро с потухшей папиросой
Садится молча за рояль.
И ночь плывет. В глазах бессонных
Раскрыт глубокий водоем...
О, бал печальных прокаженных,
Разочарованных во всем!
Два лиловатые рубина
Упали с лампы. Миг изжит –
И плачущая Коломбина
Ломает пальцы и дрожит.

Фигаро, № 3, 9 (22) июня 1918

В кафе

За столиком в табачном дыме
Зову и жду, кого хочу.
Но кажется, что нет любимей,
Чем та, чье имя я черчу.

И нежность лживую рукою
Неверный водит карандаш...
Ты завтра вновь меня предашь
И насмеешься надо мною.

Зачем любовь моя срывает
Цветы, взращенные в тиши?
Из тихих омутов души
Уже неожиданное всплывает.

Я вспоминаю, что она
Умеет тонко красит губы,
Что сны ее – легки и грубы,
А речь – пуста и холодна.

Я вспоминаю красный рот.
И вот – любовь моя сгорает,
И отвращение растет,
И нежность взоры потупляет.

Уже сомненье надо мной
Проводит медленно рукою –
И вензель, вычерченный мною,
Залит кофейною струей.

Фигаро, № 4, 16 (29) июня 1918

Моя смерть

Я был любим, я был влюблен
И ничего не знал о смерти,
Когда склонился мертвый сон
Каймою черной на конверте.
Когда веселые друзья
Сказали мне, что я – безумен,
Тогда порвалась жизнь моя,
И я закрыл глаза – и умер.
Я был положен вдушный гроб
При криках звонких и веселых,
И помню, как на черный лоб
Упала прядь волос тяжелых.
И было сладко мне, что я
Уже закончил день последний,
И я не слушал, как друзья
Поспешно сочиняли сплетни.
Когда ж, наполнив кабинет,
Они заговорили громче,
Я вдруг услышал:
– Вот сонет,
Который он не мог закончить.

Тогда незрячие глаза
Сверкнули зеленью презренья,
И я, поднявшись, дописал
Посмертное стихотворенье.

Фигаро, № 6, 30 июня (13 июля) 1918

Сонет

Я смуглый принц в незримых кружевах,
Овеянный невидимым муаром.
Я прохожу по гулким тротуарам,
Мечтая о несозданных словах,
Я думаю о тайных божествах,
О том, что я пришел сюда не даром,
Покинув храм, отделанный карраром,
На сказочных далеких островах.
Мне весело бродить по переулкам
И отдаваться длительным прогулкам,
Прислушиваясь к спутанным речам,
Указывая взоры и улыбки...
Но иногда я плачу по ночам
И думаю о сделанной ошибке.

Фигаро, № 11, 4 (17) августа 1918

Над вселенной

Белы колонны Эллады. Римские тоги кровавы.
Желты рисунки Египта, и скифские земли черны.
В быстром потоке столетий, в лучах немеркнувшей славы
Вижу: в закатном свете четыре щита взнесены.

Белы колонны Эллады. Я вижу царственный мрамор,
Твердые мышцы атлетов, высокие лбы мудрецов...

Вижу я девушек стройных, идущих медленно к храмам,
Вижу богов спокойных в сиянии белых цветов.

Римские тоги кровавы. Закаты багряны и алы.
Злые безумья Нерона. Золото, пурпур и кровь...
Цезари пьяны от крови. Воины точат кинжалы.
Музыка в пламенном слове и в остром звоне клинков.

Желты рисунки Египта. Вонзились в лазурь обелиски.
Золото иероглифов, желтые звезды пустынь...
Странно изломаны тени, но сердцу мучительно близки
Очи закатных видений в залах мемфисских святынь.

Скифские земли черны, как черны грозовые туманы,
Что утомленно повисли над черною влагой морей.
Черно оружие скифов и черны глубокие раны,
Глуби нерадостных мифов ночи безлунной черней.

Злобная Лета бессильна сорвать роковые преграды,
Над изумленной вселенной четыре щита взнесены.
Римская алая тога, белое солнце Эллады,
Золото нильских чертогов и сумрачность скифской страны.
Публикуется впервые.

Рукопись сохранилась в архиве С. Кесельмана

Воскрешение бакалавра Луки Гиннарта

In nomeni Patri, et Fili, et Spiritu Santi

Здесь я, в миру бакалавр Лука Гиннарта, а ныне смиренный из смиренных слуг Господа, начинаю правдивую и нелицемерную повесть о чудесном обращении моем и предаю душу в руки патрона моего, св. Антония Падуанского. Да отвратит он лицо свое от меня, если хоть одно слово лишь вырвется из уст моих!

Небогат был отец мой, но, памятуя, что сказано в Св. Евангелии от Матфея «Царство небесное силой берется», решил он,

во всем отказывая себе, трудами рук своих дать мне образование, достойное моего происхождения, дабы мог я занять в жизни положение, мне подобающее. Легко и усердно учился я, избегая дурных товарищей, и часто заглядывая в Simulas Вильонандо, нежели в пустые стихи Джакомо Саннасаро. Скоро сбросил я с себя одежду св. Петра, присвоенную всем студентам, и, окончив университет в Барселоне, удостоился отличия быть записанным красными чернилами в длинном списке бакалавров.

Решивши подготовиться к испытанию за степень магистра логики, усердным занятиям преданся я. Многим полезен был мне благочестивый отец Сульниций, библиотекарь монастыря св. Иоанна. Благодаря его помощи и благосклонности имел я возможность пользоваться редкими списками и рукописями монастыря, содержащими как творения отцов Св. Церкви, так и светские писания авторов римских и эллинских.

Часто сходились мы с ним в библиотеке у статуи Св. Марии Каппадокийской, покрытой пурпуровой золотом вышитой мантией, и поучительные вели и назидательные беседы. О деяниях св. епископа Гурпина рассуждали мы, о 12 пэрах, им описанных, о мучениях св. Себастьяна. И ничего не было для меня драгоценнее бесед этих, которым не мешали скрип пера благочестивых монахов, прилежно переписывавших книги в уединенной тишине монастырской библиотеки.

Но силен враг человеческий, и часто внушает он нам искушения непреодолимые. Однажды, в день св. Эрмандады, устав после усиленных занятий, тело и душу изнуряющих, решил я прогуляться по шумным улицам города Барцелоны. Медленно идя и размышляя о скрытом смысле стиха Овидия *Est Deus in nobis, agitante calescimus illo* (Есть ли в нас Бог, которым мы горим. – Ovidius, *Faith VI*), не заметил я, как сильный порыв ветра сорвал берет с моей головы. И лишь услышав чей-то звонкий смех над собой, очнулся и, подняв голову, увидел на балконе, увитом цветами, девушку красоты необычайной, игравшей с обезьяной, привязанной к решетке, как это было в обычае у богатых граждан Барцелоны. С презрением взглянув на нее, решил я продолжать путь мой, но дуэнья, неожиданно подошедшая ко мне и посланная незнакомкой, прервала размышления мои и пригласила

подняться наверх, заявив, что госпожа ее жаждет познакомиться со мной и излить на меня неутоленный трепет любви своей. Будучи юным и неопытным, без особенных колебаний последовал я приглашению.

Вблизи Лела Делагос (как позже узнал я, отец ее был мавр) еще прекраснее казалась. Скоро уже, уйдя с балкона в комнаты, лежали мы с ней рядом на ковре, и она, обнажив тело мое, осторожными прикосновениями с искусством, от дьявола внушенным, разжигала страстные желания во мне, еще не знавшем женщины.

Но каждый раз, когда пытался я неумело овладеть ею, ловко уклонялась она, и звенели золотые подвески, поддерживающие ее груди, ибо к тому времени она сбросила шаль и осталась полуобнаженной, к вящему соблазну моего еще неопытного духа. Наконец, видя, что я в отчаянии и готов заплакать от невозможности утолить желание мое, сказала она:

– Если ты хочешь меня – принеси мне покрывало Св. Марии Каппадокийской из монастыря св. Иоанна. А теперь – уходи.

Послушно вышел я, и, придя домой, сел за книги. Но не мог заниматься я, ибо чудесный образ красавицы не выходил из головы моей. А сказал Гиппократ: *Quando caput dolet – caetera membra dolet* – когда болит голова, и остальные члены болят. Тщетно твердил я: *Fugite partes adversae* – мысль о похищении покрывала все более и более овладевала мною, ибо тело мое было молодо и здорово и требовало женщины, а прекраснее Лелы не видал я никого.

И когда решился я, и избрал для этого ночь перед Св. Воскресением Христовым, зная, что все братья будут на заутрени, и о преступлении, мною совершенном, никто не узнает. Слишком рано пришел я в библиотеку и решил скоротать время за чтением. Наугад раскрыл я Библию и прочел там из книги Иова: *Post tenebras spero lucem*. Долго размышлял я над этим изречением и не постиг, нечестивый, тайных желаний Господа, от святотатства меня удерживавшего. Между тем все монахи сошлись в капелле, и я остался один. Тогда, сразу решившись, дерзко протянул я руку к святому покрывалу. Но внезапно резкий и отвратительный запах проник в мои ноздри и наполнил всего меня содроганием и омерзением. Поднял глаза – ибо прежде отвер-

нул я голову, в лицо Св. Марии глядеть не смея, – увидел я, что кощунственная рука моя покрылась смрадными язвами и струпьями, сильное зловоние издававшими. И гневно было лицо Св. Марии. И слыша издалека радостное пение братьев, славивших Св. Христово Воскресение, раскаявшись, упал я без сил к подножию статуи.

Но милостив был Бог ко мне, и помиловал Он меня, и слугою Своим быть допустил. И ныне я, смиренный Антоний из монастыря св. Иоанна, кончаю мой правдивый и нелицеприятный рассказ о чудесном воскресении моем.

Dixi et animam levavi.

Да будет мир над тобою, прочитавшем повесть мою!

Южный огонек, № 22, (9) апреля 1918, пасхальный номер

Публикация Алены Яворской

